

Сразу после приема у Императора Фэн Жун отправился на поиски Пятого принца — только он из близких друзей юноши мог помочь в запутанном деле Ли Инчуня. Дворцовые слуги сказали, что четверть часа назад Пятый принц отправился в Пурпурный дворец, который принадлежал Первой принцессе — старшей дочери нынешнего Императора. И ее мать, и мать Пятого принца были наложницами, и отошли за девятые небеса очень рано, потому с раннего детства о Пятом принце заботилась эта старшая сестра и была ему вместо матушки. Ни для кого не было новостью, что о любом своем шаге Пятый принц сначала сообщает Первой принцессе.

Фэн Жун, услышав ответ слуг, поспешил к Пурпурному дворцу, чтобы с Фу Ичжэнем встретиться прямо там. Остановив свой паланкин недалеко от ворот, юноша принялся ждать, но очень быстро к нему подошла маленькая служанка из Пурпурного дворца и, отдав все приличествующие поклоны, осторожно спросила, зачем он здесь. Фэн Жун честно ответил, что только ждет Пятого принца и к хозяйке дворца не имеет никаких дел — служанка покивала и побежала об этом докладывать.

Не успел Фэн Жун заскучать, как девочка вернулась обратно и пригласила юношу со слугами в Пурпурный дворец: его желала видеть Первая принцесса. Фэн Жун не ожидал, что девушка заинтересуется его скромной персоной, потому немного помедлил, но отказать повелению дочери Императора не смел, отправил одежды и в сопровождении Фэнцзи и Куаня отправился внутрь.

Сразу за внешним двором Пурпурного дворца словно нанизанные на нитку крупные жемчужины следовала череда богатых покоев. Фэн Жун служил при дворе, к тому же бывал во дворце Пятого принца, и сам был богат, потому роскошь видов, нефритовые колонны и мраморные экраны его не поразили, пусть и произвели впечатление. Мать Первой принцессы была сяньбийкой из северных варваров, потому иногда среди знакомых росписей Центральных равнин в ее покоях встречались причудливые элементы. Иные вазы были расписаны диковинными узорами дорогой синей краской, на стенах встречались веера из перьев незнакомых Фэн Жуну птиц, а запах благовоний, что курились в хрустальных подставках, будто с собой нес ароматы степей и жадного солнца.

Фэн Жуна усадили в боковой комнате и подали чай: он успел выпить несколько чашек, пока Первая принцесса облачалась в положенные встрече одежды и заканчивала разговор с Пятым принцем. Наконец и Фэн Жуна позвали во внешние покои. От рождения юноша был высок и тонок, каждый жест его и взгляд показывал, что принадлежал Фэн Жун знатной семье и в крови его собраны сила и изящество предков — однако у дверей Первой принцессы он вдруг замешкался. Несколько раз на приеме он видел ее и даже немного с ней разговаривал, но то были лишь пустые фразы — сейчас же ситуация стала куда сложнее.

Тут стоит объяснить, что помимо многочисленных достижений рода Фэн и заработанных их предками заслуг, нерушимое положение одной из великих семей было основано и на том факте, что наложница Фэн, мать Пятого принца, Фэн Жуну приходилась родной теткой, а матушке Сяоху — дочерью. Когда дед Фэн Жуна умер, Император высочайшей милостью пожаловал его младшей дочери титул благодетельной супруги Фэн, и та на следующий год родила ему сына, Фу Ичжэня. Император, однако, уже имел двух сыновей от почившей Императрицы, которых выделял среди всех прочих своих детей, и еще одному мальчику рад не был, боясь, как бы с поддержкой семьи Фэн он в будущем не решил претендовать на Драконий трон.

Не желая на племянника наводить лишних подозрений, а к тому же недолюбливая его мать, отец Фэн Жуна с Пятым принцем никогда близок не был и поддержать его не стремился — этим озаботилась одна Первая принцесса. Пусть вслух этого никогда сказано не было, девушка

семью Фэн за пренебрежение младшим братом недолюбливала и считала, что если бы они после смерти наложницы Фэн хотя бы справлялись о его здоровье — ничего плохого бы не случилось.

Когда Фэн Жун стал главой семьи и принял должность отца, он с Пятым принцем стал без страха общаться, посылал ему подарки и, в конце концов, подружился — Фу Ичжэнь на семью Фэн обид не держал и рад был начать общаться что с братом, что с бабушкой. Первая принцесса была иного мнения, и пока не хотела забывать. Когда, увидев Фэн Жуна, она улыбнулась, ему показалось, будто тысяча клинков оказались приставлены к горлу.

— Ах, молодой господин Фэн, — сказала Первая принцесса голосом глубоким и чувственным. Лишь дождавшись, когда Фэн Жун опустится на колени и выразит ей почтение, она махнула рукой: — Молодой господин слишком вежлив, не стоит цепляться за церемонии — мы же почти родственники.

«Ну и чего ты раньше не сказала?» — хмуро подумал Фэн Жун, с помощью Фэнцзи поднявшись. Но роптать он не посмел: все еще чувствовал и перед Пятым принцем, и перед Первой принцессой вину своего отца. Вместо того Фэн Жун сказал:

— Этот подданный рад видеть Ваше Высочество. Все ли у вас благополучно?

На миг Первая принцесса прищурилась, словно недовольна была, что на ее шутку Фэн Жун никак не отреагировал, но затем вздохнула, усмирив раздражение в своей душе: все же, она была старше и Фу Ичжэня, и Фэн Жуна, и заирать их за грехи отцов с ее стороны было бы ребячеством. Ответив на несколько формальных вопросов и справившись о здоровье матушки Сяоху Первая принцесса изящным движением забросила в рот кусочек лotosового печенья, позволяя юношам переговаривать. Поднес угощение ей один из слуг, высокий мужчина из сяньбийцев, с заплетенными в мелкие косы черными, словно смоль, волосами. Взгляд его на миг скользнул по Фэн Жуну, но тут же теплым туманом обратился к Первой принцессе: та на него в ответ взглянула с благодарностью. Вид их на миг в душе Фэн Жуна всколыхнул какое-то глубокое, прежде незнакомое ему чувство, что от живота теплотой вдруг поднялось к лицу, но осознать ему его не удалось, потому как раздался голос Пятого принца:

— Брат Фэн, мы с тобой давно не виделись! — юноша сидел напротив принцессы и, пусть на лице его цвела улыбка, в напряженной позе чувствовалась скованность. Первая принцесса всю жизнь заботилась о Пятом принце, но Фу Ичжэнь был с ней близок совсем не так, как Фэн Жун с Фэн Сяолин, а воспринимал скорее как строгую, но добрую тетюшку. Фу Ичжэнь любил дурачиться и делать всяческие глупости, посещал театры и ярмарки, а два года назад вовсе уехал бродить по цзянху, теперь всюду появляясь с двумя седыми праведного вида даосами — но при Первой принцессе юноша робел и желал показаться только с лучшей стороны. Сейчас в душе он клял Фэн Жуна за то, что тот пришел к нему: наверняка из дел у него опять была какая-то глупость, услышав которую Первая принцесса рассердится и заставит Фу Ичжэня сотню раз переписать каноны о благочестии.

— Давно, — согласился Фэн Жун, на силу выдавив из себя улыбку. Дело Ли Инчуня, тревога за сестру и робость перед Первой принцессой совсем его утомили, сделали язык жестким, словно высохший мыльный корень, потому вместо того, чтобы плавно подвести к этой теме, юноша грубо выпалил: — Ваше Высочество, у меня есть к вам дело, с которым только вы помочь и сможете — найдется ли время об этом поговорить?

Первая принцесса от такой откровенности вопросительно изогнула бровь и взглянула на Пятого принца — тот, однако, выглядел настолько же смущенным. Девушка хоть и провела всю

свою жизнь в Пурпурном дворце, увлекалась чтением и общением с придворными мудрецами, потому была умнее многих чиновников своего отца — она сразу заметила, что Фэн Жун взволнован чем-то не на шутку и дело это, вероятно, не обычная его пакость, а нечто серьезное. Переглянувшись с братом, Первая принцесса со вздохом кивнула:

— Иди, негодник, но заходи к сестре прежде, чем я начну отовсюду тебя вызывать, — сказала она, и Фу Ичжэнь с улыбкой поднялся.

— Дорогая сестра, вы ко мне несправедливы. Даже если когда-то дела мешают мне с вами увидеться, разве я не всегда посылаю вам подарки и угощения?

— Что мне твои сладости, от них только зубы болят и бока ширятся — может потому я до сих пор не замужем, — проворчала Первая принцесса. Пусть говорила она всякие бессмыслицы, взгляд ее был серьезен, и Пятый принц в ответ на него едва заметно кивнул: если Фэн Жун предложит ему что-то странное, он обязательно, прежде чем согласиться, все расскажет сестре.

Таким образом, попрощавшись, Пятый принц и Фэн Жун покинули Пурпурный дворец. За его воротами Фу Ичжэнь тут же с улыбкой принялся понукать:

— Ну и вздумал ты, брат Фэн, перед сестрой такое ляпнуть! А что, если бы она решила вывести все сама — стал бы врать? Ты теперь императорский чиновник, а хитрости в тебе как шерсти на птице!

— Дело серьезное, вот я и сам не свой, — вздохнул Фэн Жун. — Случилось вот что...

— Обожди, — прервал юношу Фу Ичжэнь, начиная одновременно и тревожиться, и раздражаться: Фэн Жун что же, от переживаний совсем рассудка лишился, раз решил обсуждать важные дела в Императорском дворце? Тут не только у стен, тут у земли, деревьев и декоративных горок было по паре ушей, глаз и быстрых ног, что доложили бы любой разговор в точности сотне людей! Фу Ичжэнь заставил себя улыбнуться: — В алом театре сегодня представление дадут по пьесе Цюй Юаня, уважаемого в Чу литератора — я как раз туда собирался. Пойдем со мной, внутри все и расскажешь.

Фэн Жун едва утерпел, пока в паланкине они ехали до театра, пока там усаживались в отдельную комнату, и пока ждали начала представления. Молодые господа устроились на мягкой кушетке, отделанной красным бархатом у низкого столика с закусками и подогретым вином, а слуги и два даоса, неотступно следующие за Пятым принцем, замерли в отдалении за их спинами. Всю первую арию, что исполняла молодая певица с пронзительным, чувственным голосом, похожим на пение весенних птиц ранним утром, Фэн Жун ерзал на своем месте и совсем за ходом истории не следил — наконец Фу Ичжэнь не выдержал его тревоги и, поняв, что пока юноша не выговорится, представление ему не досмотреть, спросил:

— Так, брат Фэн, по какому такому важному делу ты меня искал?

Тут Фэн Жун подсел ближе и рассказал Пятому принцу все, от своего недовольства Пань Танем (о котором Фу Ичжэню хотелось бы знать меньше), до судьбы Ли Инчуня, которую ему удалось выяснить. Рассказывал Фэн Жун подробно и обстоятельно, ничего не упуская, а Фу Ичжэнь в это время смотрел за сценой, но представления совсем не видел. Наконец, когда рассказ был закончен, он посмотрел на Фэн Жуна и, улыбнувшись ему, спросил:

— История неприятная, но как я здесь могу помочь?

— Самую малость надо сделать — тебя совсем не затруднит, — уверил Фэн Жун. — Ты же служишь в министерстве обрядов, а нашей племяннице, Чэнхуа, скоро три месяца — Император наверняка пошлет Пань Таню подарки. Если ты добавишь в процессию своего человека, и он в праздничной суе выведет Ли Инчуня из поместья хоу — я буду без меры тебе благодарен!

— Да где же найти такого ловкого человека, что сможет ограбить поместье хоу и не оставить следов? — с застывшей улыбкой спросил Фу Ичжэнь, но Фэн Жуна ему было не испугать. Юноша бросил быстрый взгляд на монахов за их спинами, и кивком указал на них:

— Твои люди способные, уж я-то знаю.

Фу Ичжэнь предпочел бы, чтобы Фэн Жун это поскорее забыл. Дело было в том, что из путешествия по цзянху Пятый принц привез действительно не просто духовных наставников, а настоящих заклинателей, что могли ходить под землей и летать над облаками. Для таких проскользнуть мимо охраны, пусть и была бы это охрана самого хоу, труда не составило.

Фэн Жун узнал об этих удивительных способностях людей Пятого принца некоторое время назад. Тогда тот только вернулся из своего путешествия и гостил вечером у семьи Фэн. К его несчастью, Фэн Жун задержался на службе и Фу Ичжэнь послал за ним своего человека: оказалось, что по делам Фэн Жун ездил за город, и там, в горном лесу, на него и нескольких слуг напали разбойники. Человек Фу Ичжэня одной рукой разметал их в разные стороны, и с тех пор Фэн Жун знал, что служат Пятому принцу не простые монахи.

Фу Ичжэнь же теперь считал, что лучше бы он позволил в тот вечер Фэн Жуну быть избитым и ограбленным: поддавшись уговорам Фэн Сяолин, он приказал своему подчиненному привести Фэн Жуна домой невредимым, а тот, хвастаясь талантами, перестарался. Теперь молодой господин Фэн возомнил, что заклинатели станут для него ворами в чужих домах!

Но так Фу Ичжэнь не сказал: вместо этого, опустив голову, он тяжело вздохнул:

— Брат Фэн, а что случится, если Пань Тань меня заметит? Если моего человека поймают, Император решит, что я собираю людей, чтобы бороться за трон — тогда за мою жизнь никто не даст и медной монетки. Я ведь всеми силами стараюсь день ото дня бездельничать и никакого таланта не проявлять — а ты меня тут просишь ради какого-то незнакомца так подставиться. Кто этот Ли Инчунь вообще такой? Какая мне от его спасения польза?

— Важен ведь не он сам, а за что Пань Тань с ним так обращается! — принялся уговаривать Фэн Жун. — Что, если ничего плохого Ли Инчунь не сделал, а его без вины обижают? И однажды такое с моей сестрой и ее дочерью случится тоже? Прошу тебя, братец, помоги, я от беспокойства спать уже не могу!

— Оно и видно: без сна совсем рассудка лишился, — раздраженно отозвался Фу Инчунь, но тут же вновь взял себя в руки и вернулся к расслабленному, поучительному тону: — Брат Фэн, кто посмеет во всей столице обижать нашу сестру? Ты, ее брат, еще жив, и при дворе имеешь немалый вес, а вашего деда Император любил и почитал, как своего наставника. Что ему какой-то Пань Тань? Если узнает, что с Фэн Сяолин плохо обходятся — тут же отошлет его обратно на западные границы.

— Ваше Высочество все правильно говорит, — согласился Фэн Жун, но беспокойство не покинуло черт его лица. — Однако я успокоиться все равно не могу. Помогите, вам ничего не стоит — а мне и сестрице душевное спокойствие. Ведь если Пань Тань на такое способен, кто знает, чего он еще выдумать сможет? Так может статься, что Сяолин будет терпеть лишения, а

мне не сможет рассказать! — однако Фу Ичжэня не уговорить было жалостью. Пусть со стороны он казался праздным и легким в общении молодым господином, внутри Пятый принц оставался расчетливым и осторожным.

Вспомнив об этом, Фэн Жун ловко изменил свою стратегию:

— Кроме того, вдруг Ли Инчуня заточили за то, что он разнюхал какие-то грязные тайны хоу? Я слышал, что несколько месяцев назад вы с Пань Танем обедали, и наверняка он предлагал вам побороться все же за Драконий трон...

— Не стоит так говорить, — холодным тоном заметил Фу Ичжэнь. Пусть в комнате были только они и доверенные люди, Пятый принц не хотел обсуждать эту тему — кроме того, в своих рассуждениях Фэн Жун коснулся чешуи под горлом дракона. Юноша, однако, ледяного тона собеседника не испугался и продолжил:

— ...Я знаю, что все это Вашему Высочеству не интересно — так и будет, чем в следующий раз Пань Таню отказать. Подумайте, братец, всего одно простенькое дельце — а сколько выгоды.

Фу Ичжэнь замолчал, и до самого конца спектакля не проронил ни слова, размышляя над сложившейся ситуацией. Когда он был мал, народу было объявлено, что его мать скончалась от болезни, но на самом деле Император просто чувствовал себя виноватым за измену покойной Императрице, и в момент слабости преподнес наложнице Фэн отрез белого шелка. Так же он хотел поступить и с Пятым принцем, но Первой принцессе удалось вымолить у отца жизнь брата — потому история Ли Инчуня Фу Ичжэня совсем не тронула, и не вызвала в душе того тревожного трепета, как у выросшего в любви и заботе Фэн Жуна. Пятый принц думал только об опасности, которой это дело может обернуться, и выгоде, которую он может получить. Пань Тань ему тоже не очень нравился, а его самонадеянные планы вплести Фу Ичжэня в борьбу за престол юношу раздражали — даже если бы Ли Инчунь не знал никаких тайн, само его наличие в руках Пятого принца могло бы помочь поставить возмнившего себя вершителем чужих судеб хоу на место.

Когда представление окончилось, Фу Ичжэнь приказал слугам раздать актерам, игры которых он совсем не запомнил, по связке монет, и улыбнулся ожидающему Фэн Жуну обычной своей легкой улыбкой:

— Вижу, что для братца Фэна дело это действительно важное, потому так и быть — уступлю тебе в этот раз.

Радости Фэн Жуна не было предела и до самого расставания он благодарил Пятого принца, говоря об его отзывчивости и добродетели. Когда же паланкин Фу Ичжэня скрылся, Фэн Жун довольно сказал своим слугам:

— Так я и знал, что он поотнекивается да возьмется — такой уж у него нрав.

— Не водитесь с ним часто, молодой господин, — угрюмо ответила Фэнцзи. — Он то улыбается, то раздражается на вас — от такого человека хорошего не жди.

— Пустяки, — махнул рукой Фэн Жун. — У него просто характер дрянной, а сам он человек хороший.

Так, оболгав решившего в ущерб себе помочь ему Пятого принца, Фэн Жун, почитающий собственный характер образцом терпимости и добродетели, отправился домой.

<http://bllate.org/book/17230/1616619>